

# Светлана Химич

## 13-й по списку

### 1. Петрович, 00:11

Время двигалось к полуночи и пора было поспешить на разнарядку. Она знала, что все пройдет как обычно, так же, как было неделю, месяц, год, столетие назад... Здесь ничего не менялось — небесная бухгалтерия трудилась без перебоев и дебет с кредитом всегда сходился. Здесь не задавали вопросов, а по тому и не отвечали на них, не интересовались здоровьем — вряд ли бы кто-то мог на него пожаловаться, так же здесь всем было глубоко безразлично какой сегодня день, месяц, год. И уж меньше всего здесь обращали внимание на погоду — на протяжении тысячелетий она оставалась бессменной, как и пейзаж за широкими, без намека на занавески, окнами.

Смерть медленно прошаркала стертymi до дыр подошвами башмаков по холодному полу, и вытянув к рукоятке двери костлявую руку на мгновение замерла. Впервые за все то время, что она занимает этот почетный пост, старуха почувствовала острое отвращение ко всему тому, чем ей предстоит заняться спустя всего несколько минут.

Она еще немного помедлила, прислушиваясь к пустому, как драный барабан, нутру, но ничего более не ощутив скользнула в дверь.

На мигающем всеми оттенками радуги, огромном, в полкомнаты пульте привычно лежал свежий список. Бегло пробежав глазами по обычной, офсетной бумаге формата А4 она впялила пустые глазницы в последнюю строчку. И так, их сегодня 13. Ни чего, в общем — то необычного, ни мало, ни много, только вот за всю её деятельность это первый случай когда именно 13. Другие цифры повторялись из года в год, из века век, и даже, порой, из смены в смену, а вот эта выпала впервые.

— Ну что ж, — ни к кому не обращаясь глухо выдохнула Смерть, — пусть будет 13...

И спрятав список в складках черного, изрядно поношенного, длинного плаща стремглав покинула помещение сквозь наглухо запертое окно.

Над городом низко висело тяжелое небо, изрыгая на Землю рваные потоки холодной воды, быстро трансформирующиеся в ледяную, колючую крошку. Не смотря на поздний час и непогоду город не спал. По обледеневшим улицам медленно ползли уставшие за день автомобили, разрубая кромешную темь тусклым светом неоновых фар. То там, то там сновали редкие запоздалые прохожие, скукожившиеся под безжалостно хлеставшим ледяным кнутом ветром. В окнах домов уютно

мерцал свет, вполне оправданно радуя тех, кто сейчас находился по ту сторону непогоды.

Смерть взглянула на список и опустилась на обледенелую скамейку рядом с хорошо подвыпившим бомжом. Бывший интеллигентный человек, свернувшись калачом, без особого успеха кутался в выдавшее куда более достойную жизнь, а теперь напрочь провонявшее помойкой и канализационными люками, старое твидовое пальто не определённого цвета, выдыхая в морозный воздух тугую струю заскорузлого перегара.

Старуха, взглянув в ночное небо, абы сверить время, подвинулась поближе к забулдыге и легонько постучала длинными костяшками пальцев по дрожащему плечу бедолаги.

Бомж вяло зашевелился, пытаясь с головой залезть под насквозь промокшую материю и вновь затих. Старуха повторила движение и только теперь мужик, вытянув худую шею приподнял голову, отчего стал походить на древнюю черепаху в коем веке взглянувшую на мир из-под своего надёжного панциря. От пресмыкающегося его отличала лишь грязная, включенная шевелюра и давнишняя щетина на впалых, побитых оспой щеках.

— Петрович? — бесстрастно  
поинтересовалась она опять заглянув в список.

— Кто? — не понял мужик, тараща глаза в чёрный силуэт.

— Забыл, как тебя зовут?

— Нет, — бомж тряхнул слипшимися патлами, — ты, говорю, кто?

— Смерть.

— Чья? — опять не понял Петрович, но под ложечкой как-то не приятно засосало, — моя что ль?

— А ты здесь ещё кого-то видишь? — не умело пошутила Старуха, — нет? То-то и оно. Неужто напугала?

— Н-нет, то есть — да, — мужик попробовал сесть, но у него ничего не получилось.

— Лежи — лежи, — она похлопала его по согнутым в коленях ногам, — сейчас тепло будет.

К своему изумлению бомж и впрямь почувствовал, как его тело заполняет долгожданное, благодатное тепло, волнами растекаясь от того самого места, где его только что коснулась костлявая ладонь.

Пальто в области живота неожиданно зашевелилось и в наступившей было тишине отчётливо прозвучал жалобный писк.

— А это ещё кто там? — Смерть приподняла отяжелевший подол пальто, — щенок что ли?

— Котёнок... Я его уже с месяц с собой таскаю. На помойке подобрал. «Добрые люди» его в пакет целлофановый упаковали и завязали потуже, чтобы не высвободился, а я вот нашёл... С

тех пор вместе и бомжуем — греем друг дружку... боюсь, пропадёт он без меня, — из воспаленных, опухших глаз по небритой щетине медленно поползли слёзы, — может ты это... его тогда тоже... того?

— Да не могу я, пойми. Кошки, собаки... это все не по моей части. На то другие службы существуют.

— А я, почему-то, всегда думал, что ты одна на всех, — мужик слабеющей рукой прижал к груди пушистый комочек, — а оно вон как...

— Ты спи, — она опять подняла голову к небу, — спи. На том свете тебе это зачтется.

Но Петрович уже не слышал её, и лишь громкое, безучастно — несчастное «мяу» неслось вслед уходящей фигуре в чёрном разрывая ночную тишину...

## **2. Лоло, 01:33. Павел Сергеевич, 01:37**

Павла Сергеевича ничуть не волновала судьба осиротевшего дважды за столь короткий промежуток своей жизни, рыжего котенка. Его вообще мало интересовало то, что происходит с другими, и что ни коем образом не переплеталось с его личными интересами. Да и интересов у Павла Сергеевича, в прошлом директора одной из муниципальных автобаз, а ныне успешного

предпринимателя и яростного правозащитника было немного — деньги и женщины, вот, пожалуй, и все. Первое он научился ценить еще в те времена, когда работал тем самым директором автобазы. Официальный заработок был у него в те дни не велик, но привилегии и свободный доступ к GSM с лихвой окупали этот незначительный конфуз. На стыке веков ситуация в корне изменилась — щедрое финансирование «свыше» быстро сошло на нет, и автобаза скоро превратилась в огромный мусорный полигон машиностроительных отходов. А кушать хотелось. Сменить красную, зернистую икру на «заморскую» — баклажанную Павел Сергеевич позволить себе не мог. Его желудок напрочь отвергал кулинарные изыски из ржавой селедки и пропитанной пестицидами, невесть как выращенной китайцами на постсоветских «щелинах», картошки. Но не мог он себе этого позволить! От того директор, уже бывшей автобазы, грустно смотрел на теснившееся на площади в несколько «га» груды металлолома и тяжело вздыхал, вспоминая прежнюю, сытую жизнь и прислушиваясь к недовольному урчанию пустого брюха. Но депрессия продолжалась недолго. Спустя еще некоторое время вынужденного прозябания, в светлой голове будущего предпринимателя отчетливо вырисовался план дальнейших действий. Окинув опытным взглядом

некогда доходное предприятие Павел Сергеевич весьма справедливо понял, что здесь ему ловить больше нечего, и быстро нашел покупателя из «поднебесной» на раскиданный по всему периметру ржавеющий, и никому как оказалось ненужный, металлолом. О цене договорились быстро, хоть и «копейки» по сравнению с реальной стоимостью, но зато быстро, без шума и волокиты. Вместе с побитыми кабинами, кузовами, телегами пошел и склад запчастей. Новенькие, в надежной «совковой» смазке «коленвалы», подшипники, болты, гайки и даже стальные троса отправились за «кардон», по организованной шустрым китайцем краткосрочной визе. Бывший директор более не существующей автобазы довольно потер руки и отправил единственно — оставшуюся штатную единицу сторожа дядю Васю в бессрочный отпуск, отвалив ничего не соображающему бывшему сотруднику выходное пособие в размере трех окладов. Довольный дядя Вася горячо поблагодарил бывшего работодателя и на радостях, затарившись на неделю паленой водкой, отправился праздновать преждевременный выход на заслуженную пенсию. Но оголодавшего организма на неделю беспробудного запоя не хватило, и разжалованный сторож отдал богу душу спустя всего три дня. Павел Сергеевич в душе порадовался такому исходу событий (единственный свидетель

его первого коммерческого опыта самоустранился), и вскоре собрав нажитые непосильным трудом пожитки, а с ними и жену Раю с двумя пацанами — погодками, отправился в город в поисках лучшей доли.

Свежеиспеченный «новый русский» денег на ветер не бросал. Средств, вырученных от добротного, в два этажа «домика в деревне» в экологически чистой местности вполне хватило для приобретения вполне пригодной для проживания семьи из четырех человек, «двушки», в деловом квартале. Павел Сергеевич, имея неплохое образование и многолетний опыт за плечами, без труда устроился на работу в «альтернативный центр делового сотрудничества», где главным образом запасался свежими знаниями и обзаводился полезными знакомыми. Много слушал, мало говорил, добросовестно выполнял нехитрую работу и вскоре был в курсе того, как и куда стоит вложить свои «кровно заработанные». Он прикупил проходное местечко в центре, организовав под видом «борьбы за чистоту и уют в городе» снос стихийных, торговых палаток, оставив без дохода еще полсотни «земляков» и отгрохал на этом месте торговое чудо с гордо — пылающей цветом утренней зари вывеской «супермаркет». Дело оказалось весьма прибыльным, и теперь Павел Сергеевич мог себе позволить к завтраку не только



красный, но и черный деликатес. Но памятуя о «заморской икре» он вполне резонно решил, что денег много не бывает, и рьяно принялся расширять бизнес. Теперь ему принадлежали несколько «супермаркетов», гостиница, стадион и даже пара автозаправок. Дети, пацаны — погодки, давно выросли. Старший, Антон Павлович — уважаемый в городе человек, прокурор. И голова на месте, и проблем создавал всегда по минимуму. Младший же, Сергей — вырос настоящим оболтусом и разгильдяем. Сколько «бабок» ушло на него — не счесть. То проститутку до смерти чуть не забил — пришлось девахе «отступные» солидные заплатить и в другой город отправить, то каких-то ротозеев на остановке, по пьяне, чуть на тот свет не отправил... Всего и не упомнить. Жену хорошую ему сосватал, так и она через два года от него в Эмираты сбежала, и дочку с собой прихватила. Ну ничего, внучку Павел Сергеевич вернет, в этом он не сомневался, а вот бывшую супружницу сына больше видеть не желает — предала она его, не оправдала доверия. В самую душу плюнула. Он ведь, Серега, не плохой в общем-то парень, да только руки ему не хватает дружественной, а то что пьяный — дурак, так кто ж умный то под эту лавочку. Пару оплеух навесил, что ж, сразу за бугор валить? По — доброму с ним, просто, надо, по-человечески. Глядишь бы и пить бросил, за ум взялся... Эх бабы — дуры, чего им не

хватает? А она, эта Ксения, ничего так — смазливая. Ножки стройные, попка упругая, грудь маловата правда, но это дело вполне поправимое в наше то время и при наших возможностях. Павел Сергеевич сам слюну пускал, когда ее в офисе встречал, но не трогал, для сына решил приберечь. А оно вон как обернулось.

Жена, Раечка, давно перестала интересоваться его как женщина. Он как-то даже попытался припомнить какой она была в молодости, попытался — но не смог. Ведь почему-то он на ней женился тогда? Вот смотрит он на нее и понять не может себя, того — двадцатипятилетнего. Ни рожи, как говорят, ни кожи. «Мышь серая». Лет пять тому назад она его, впервые за долгую, совместную жизнь смогла удивить. Он тогда только пришел от грудастой пышечки Анечки, и сославшись на тяжелый день напрямую отправился в их с Раисой, спальню. Вдруг дверь тихонько отворяется, а на пороге она — Раечка. Привычный крендель на затылке распустила, отчего стала похожа на неопрятную ведьму, губы красной помадой нарисовала, на худющих плечах сорочка прозрачная, тоже красная, а под ней две дряхлых «титюльки» словно мокрые тряпочки болтаются. Павел Сергеевич от удивления выпучил глаза, а Рая, ошибочно приняв его выражение лица за восхищение, встала на цыпочки и подняв вверх

иссохшие плети рук принялась кружить на месте, демонстрируя себя «во всей красе». Этого супруг вынести был уже не в состоянии, и не удержавшись громко расхохотался, введя тем самым незадачливую супружницу в ступор. Окончательно осознав какую реакцию вызвал у мужа ее необдуманый порыв, она густо покраснела и стремглав вылетела из спальни. А он все смеялся и смеялся ей вслед, не в силах остановиться. На следующий день Раечка перетащила свои вещи в другую комнату, и с тех пор они больше никогда не делили семейное ложе.

Сейчас, сидя за рулем своего престижного авто класса «люкс» Павел Сергеевич отчего-то вспомнил этот нелицеприятный эпизод из своей жизни, но смеха, или даже улыбки он у него не вызвал. Он никогда раньше не думал о разводе, и вот только сейчас эта мысль впервые посетила его. Впрочем, он не удивился — рано или поздно это должно было произойти. Он разведется с Раисой, отправит ее жить обратно в деревню, назначит необходимый пенсион, небольшой, но вполне достаточный для престарелой, одинокой женщины без амбиций, а сам женится на секретарше Тамаре. Тома — вот та женщина, в объятьях которой ему хотелось бы дожить свой век. Молодая, красивая, умная — истинное украшение любого, уважающего себя мужчины. О никакой любви речи, само собой,

идти не может. Он давно забыл, что это значит, а Тамара достаточно умна что бы не требовать от него этого. Да и вряд ли ей любовь та нужна. Деньги — вот что движет этой красоткой, а он и не против. Павел Сергеевич привык платить по счетам, и сделка для него — что псалтырь для монаха, вещь почти священная.

Вспомнив о любовнице Павел Сергеевич вдруг почувствовал непреодолимо — острое желание женского тела и мельком взглянул на тяжелые, золотые часы на запястье. Второй час ночи, а следовательно, Томочка, как он ее ласково называл, уже давно спит. Она очень бережно относилась к своему здоровью и внешности и потому не пила кофе, не увлекалась алкоголем, не курила и всегда вовремя ложилась спать. Ее внешний вид был основным источником ее немалого дохода, и этот источник она берегла «как зеницу ока». Но женщину хотелось, и с этим успешный предприниматель ничего поделать не мог, потому время от времени позволял себе потратить несколько тысяч на дешевых проституток, дежуривших круглосуточно по всему городу. Свернув уже к знакомому ночному клубу, он притормозил. Не смотря на сильный ветер и колючий снег вперемешку с дождем к машине тут же подбежали несколько девиц, наперебой предлагая свои услуги. Он выбрал сисястую

брюнетку, и поманив пальцем услужливо распахнул дверцу. Красотка тут же плюхнулась на пассажирское сиденье и назвала цену. Остальные, менее удачливые «жрицы любви» сразу отошли от автомобиля потеряв к нему всякий интерес. Павел Сергеевич хорошо знал расценки на предлагаемый товар, и достав пухлое портмоне вынул несколько новеньких, мелкого достоинства купюр. Денег оказалось вдвое меньше, чем девушка запросила вначале, но она ничуть не смутилась и выхватив бумажки из толстых пальцев мужчины, кивнула соглашаясь на предложенную «щедрым» клиентом сумму. Мгновенно запрятав полученный гонорар в глубоком декольте, девица тонкими, все еще ледяными пальцами принялась расстегивать ширинку очередного клиента. Сняв для удобства ремень безопасности Павел Сергеевич нажал на педаль и машина медленно покатила по мокрому асфальту выискивая укромный уголок, в то время, как губки и язычок уже умело ласкали набухшие чресла хозяина жизни. Автомобиль слегка потрянуло на выбоине в дороге, и девушка слегка прикусила острыми зубками крайнюю плоть восставшего члена. Павел Сергеевич грубо выругался и отвесил увесистую оплеуху по возившейся между его ногами черноволосой головке. Привыкшая за свою «карьеру» к подобному выражению недовольства девица отреагировала на грубость лишь тем, что

нежнее, но и более напористой принялась за свою работу. Вот и переулочек, в который следует свернуть для того, чтобы можно было остановиться и полностью расслабиться. В этот момент огромная фура, возникающая буквально из ниоткуда, на полной скорости врезалась в уже сворачивающий с главной дороги автомобиль, и дорогой «мерин», сделав несколько головокружительных кульбитов в воздухе, упал на трамвайные пути и замер, бешено вращая колесами.

Смерть стояла на перекрестке и спокойно дожидалась своего времени. Спустя всего несколько минут на место ДТП примчался патруль ДПС, а следом и «неотложка». Старуха заглянула в искореженный салон, и убедившись в том, что девушка мертва бросила взгляд на правозащитника. Его уже вытащили из густо забрызганного кровью нутра и теперь он лежал на мокром, голом асфальте, со спущенными штанами и широко открытым ртом пытался захватить хоть немного воздуха. Больше всего Павел Сергеевич сейчас напоминал выброшенную из реки на берег рыбу. Ему почему-то вдруг вспомнилась красная, прозрачная ночнушка Раечки, только тело под ней было молодым и упругим. Огромные, серые глаза супруги смотрели на него ласково и преданно, пухлые губки растянулись в милой, доброй и такой родной улыбке, и он, наконец то вспомнил, за что

полюбил тогда ее...

— Рая..., — едва шевеля синеющими губами прошептал Павел Сергеевич, — Рая...

Смерть нагнулась на неподвижным уже телом, и коснулась корявым пальцем губ умирающего. И в тот же момент изо рта «любителя денег и женщин» хлынул поток густой, горячей крови...

Рядом с ним, отчего то улыбаясь, лежал труп «жрицы». Деньги, выпавшие из разорванного глубокого декольте, подхватил все еще беснующийся ветер, унося их по темному переулкам в никуда...

### **3. Анна Чулкова, 04:23**

Следующий пункт по списку оказался обычной, краевой больницей. Смерть бесшумно скользнула в палату и присела на обшарпанный табурет, аккуратно напротив громко стонущей, еще совсем не старой женщины. Несчастная на мгновение затихла, словно прислушиваясь к чему-то а затем, преодолевая очередной приступ нечеловеческой боли громко позвала сестру:

— Таня, Танечка-а-а...

По коридору торопливо зашлепали резиновые тапки и вскоре в палату вошла совсем молоденькая стажерка:

— Что опять, теть Ань? — устало, но без раздражения в голосе спросила девушка, — я же говорю — нет больше обезболивающих. У меня же все строго по назначению. Попросите родственников — пусть купят.

— Нет-нет, Танечка, — голос пациентки заметно дрожал, — я помню... просто замерзла что-то я, похолодало как-то сразу. Может там форточка открылась, глянь. Ветрища то вон какой.

Девушка подошла к окну и осмотрела плотно закрытые рамы:

— Вам показалось, теть Ань, наверное, Вас просто морозит. Я Вам сейчас еще одно одеяло из сестринской принесу, только не стоните так громко, пожалуйста. У меня в восьмой «тяжелый» лежит, после операции, только заснул...

— Спасибо, доченька, я постараюсь. Больно мне очень...

Сестричка вышла из палаты, а Старуха, поднявшись с табурета, подошла к окну и устремила глазницы в ночное небо. Снег и дождь прекратились и теперь оно сверкало мириадами звезд — далеких, холодных, недосыгаемых. «Совсем как у нас» пронеслась мысль и тут же затерялась в бесконечном пространстве вселенной. В комнату вернулась практикантка и бережно накрыв Анну вторым одеялом торопливо покинула палату. Смерть вернувшись вновь присела, но уже



на кровать. Женщина на мгновение замерла и уставилась прямо в черные дыры на белом, светящемся первозданной белизной, черепе:

— Ты-ы-ы..., — испуганно выдавила она из себя, — ты пришла-а-а...

— Пришла. Заждалась небось?

— Заждалась, — уже спокойно согласилась умирающая, — а все равно страшно...

К ее удивлению боль внезапно прошла, и она с облегчением вздохнула:

— ...это уже все?

— Нет, ты еще жива, если ты об этом.

— А когда?

— Скоро уже, — Старуха вновь бросила взгляд на окно, — потерпи чуть.

— Знаешь, а мне совсем не больно сейчас. Даже странно немного от этого... я уже стала привыкать к боли...

— Разве можно к ней привыкнуть?

Смерть говорила тихо, почти шепотом, без эмоций, но в то же время голос ее завораживал, успокаивал, истерзанную муками, душу Анны Чулковой. За бесконечно долгие дни, проведенные в онкологическом отделении, это был ее первый посетитель. Или посетительница? Анна не знала, как правильно, но это и не было сейчас важным. Важным было то, что она ждала ее, ждала точно так — же, как двадцать семь лет назад ждала Максима

— первую и единственную любовь всей ее недолгой жизни, пошедшей наперекосяк после того, как он, все-таки не пришел, бросив ее на пятом месяце беременности в грязной общаге монтажного техникума. Потом она ждала сына, из тюрьмы... но, видимо, не судьба...

— Можно... у меня всю жизнь болело — сначала душа, потом тело...

— Что ж ты не берегла себя совсем?

— А как? Алешка рос без отца, кормить как-то надо было.

— Замуж почему не пошла? К тебе же Юрка Горовой сватался — хороший мужик.

— Ты и об этом знаешь? — в слабом голосе не прозвучало удивления, — я его ждала — любила, наверное...

— Я вот и говорю — не берегла. А сейчас любишь?

— Не знаю... Далеко все так вдруг стало, словно вовсе и не было...

В комнату тихими шагами вошла Танечка:

— Ну как, тетя Ань, согрелись?

— Да, доченька, спасибо. Мне бы только водички попить.

Девушка взяла с тумбочки пластиковый стаканчик и приподняв свободной рукой голову больной аккуратно поднесла к пересохшим губам:

— Только много не пейте, Вам нельзя.